

Людмила Моисеенко – Виктор Моисеенко

(Сомбатхей – Будапешт, Венгрия)

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Abstract: The phenomenon of synesthesia of scientists perceived ambiguously. Some of them believe synesthesia is a semantic anomaly and cognitive mistake. In prosaic works written by Vladimir Nabokov (1899-1977) in Russian and English, the synesthesia is one of the constituent elements of his creative method and individual style.

Keywords: V. Nabokov, synesthesia, sensory perception, color, personal style.

– Взгляните! – воскликнул Пантагрюэль. – Вот вам несколько штук, ещё не оттаявших.

И он бросил на палубу целую пригоршню замёрзших слов, похожих на драже,

переливающихся разными цветами.

Здесь были красные, зелёные,

лазуревые и золотые.

В наших руках они согревались и таяли,

как снег, и тогда мы действительно слышали,

но не понимали, так как это был какой-то

варварский язык ...

... Мне хотелось сохранить несколько неприличных слов в масле или переложив соломой, как сохраняют снег и лёд.

Франсуа Рабле,

«Гаргантюа и Пантагрюэль»

Цветная спираль в стеклянном шарике – вот модель моей жизни...

В. Набоков: «Другие берега»

Феномен синестезии известен в науке уже нескольких столетий, пик интереса к ней относится к рубежу XIX и XX веков. И в наши дни среди литераторов, музыкантов и художников, лингвистов и психиатров продолжается полемика о различных её проявлениях и формах.

В данной публикации синестезия трактуется преимущественно с позиции лингвостилистики. По поводу этого явления в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» сказано: *синестезия* – «феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю, и специфическое для данного органа чувств,

сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, часто характерным для другой модальности» (ЛЭС 1990: 166). Идентификаторами синестезии служат слух, зрение, вкус, обоняние, режесознание и эмоции. Наряду со вкусовыми и слуховыми реакциями, синестеты чаще всего встречаются с цветовыми или фактурными ассоциациями на буквы, цифры и слова.

Учёные воспринимают синестезию неоднозначно, нередко рассматривают как «семантическую аномалию» и «когнитивную ошибку», хотя сами вынужденно признают, что порождаемые ею тропы метафорического типа замечательно функционируют в поэтических и прозаических контекстах. Теоретик киноискусства Сергей Эйзенштейн считал её позитивным явлением, полагая, что настоящий художник должен овладеть способностью моделировать, имитировать погружение зрителя и читателя в глубины чувственного мышления, *«... где он утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать целое через единичную частность, ... где краски станут петь ему и где звуки покажутся имеющими форму* (выделено нами – Л.М., В.М.), *где внушающее слово заставит его реагировать так, как будто свершился самый факт, обозначенный словом ...»* (Эйзенштейн 2002: 185). О разных формах отражения синестезии в языке и художественном тексте написана значительная литература¹.

В европейском искусстве о синестезии в сер. XIX века первыми заявили сторонники романтизма, обратившие внимание на возможность межчувственных сопоставлений в поэтических тропах и оправдывающие смещение границ в полисенсорной системе. Преднамеренное культивирование таких аналогий было заявлено символистами и декадентами в лице Ш. Бодлера (1821-1867) в его программном сонете «Соответствия», а затем А. Рембо (1854-1891) в «цветном» сонете «Гласные» (Степанов 1984: 341-347).

В России апологетом межчувственных переносов и смещений стал поэт-символист К. Бальмонт (1867-1942), известный по шокирующему эффекту своего стихотворения «Аромат солнца». По поводу синестезии высказывались признанный лидер русского авангарда Велимир Хлебников (1885-1922), художник-экспрессионист, теоретик абстрактного искусства, один из лидеров мирового авангарда 1-й пол. XX века В.Кандинский (1866-1944). Оригинальную систему цветовой символики

¹ Свой вклад в исследование рассматриваемого феномена вносят и слависты Сомбатхея. Настоящая статья представляет собой переработанную и дополненную версию опубликованных ранее работ: Моисеенко Л.Н. Цветовые символы и синестезия как элементы индивидуального стиля В.Набокова – Слово и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2000. 136-142; Моисеенко Л.Н. Художественно-образительная роль синего цвета в прозе В. Набокова, там же: 143-147; Моисеенко Л.Н. Ещё раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве», там же: 148-156.

впервые обосновал писатель и философ А. Белый (1880-1934) (Белый 1922). Композитор А.Н. Скрябин (1872-1915) в поисках возможности объединения звука и света (соответствие цветов и тональности по Скрябину) в партитуру своей симфонической поэмы «Прометей» включил партию световой клавиатуры, став первым в истории композитором, исполнившим цветомузыку.

К известным синестетикам следует отнести и писателя Владимира Набокова (1899-1977). Фундаментально образованный филолог и энтомолог, он был знаком с установками и декларациями западноевропейской эстетики цветоведения от Гёте, Отто Рунге, Шопенгауэра, Делакруа, Ван-Гога до своих современников Василия Кандинского, Андрея Белого, Пауля Клее. Он был детально осведомлён и о свойствах синестезии, потому что в разные годы в своих произведениях и воспоминаниях подробно писал о физиологических воздействиях синестезии, будто бы испытанных на собственном опыте.

Интерпретаторы Набокова в его творческом методе часто видят только игру или «металитературу», изошрённую игру аллюзиями, повторами, явными и скрытыми цитатами, неоправданными смещениями сюжетных линий, неуёмную фантазию и мистификации, представляя тексты Набокова в виде кроссвордов, отгадывая которые и найдя нужное слово, читатель испытывает удовлетворение.

Со своей стороны, мы вынуждены признать, что оригинальному ироничному стилю Набокова действительно в значительной мере присуща игра в словесные загадки, в головоломки из зашифрованных цитат, что его творческий метод отличается сложной литературной техникой, непредсказуемыми, почти триллерными сюжетами, но, вместе с тем, характеризуется глубоким проникновением во внутренний мир персонажей. Поэтику его стилистически изысканной прозы составляют как модернистские, так и реалистические элементы с подключением лингвостилистической игры, составными частями которой, в числе прочих приёмов, выступают представляемые в качестве свойственных самому автору нейрофизиологические синестетические галлюцинации, преимущественно цветовые, реже вкусовые или иные, о которых он и пишет в разных местах, и в реальность которых читатель может верить только на слово. Сам Набоков, вспоминая свои самые ранние творческие увлечения, напоминает нам, что ещё будучи мальчиком *«...находил в природе то сложное и «бесполезное», ... которое позже искал в другом восхитительном обмане – в искусстве»* (Набоков, 1989а: 76).

В нашем тексте внимание сосредоточено на определённой теме – на разнообразных синестетических опытах Набокова, отражённых в (кон)текстах, то наполненных радужным переливанием красок, то нарочито колористически обеднённых, когда используется лишь двухцветная чёрно-белая гамма шахматной доски.

Заглядывая в творческую мастерскую Набокова – новатора, наделённого тонким художественным чутьём, убеждаемся, что синестетические элементы придадут набоковской прозе специфический колорит, даже особое очарование. Удивляет способность этого мастера передавать словами чувства, идеи, воспоминания, окрашенные в разные тона и оттенки. Кажется неистощимой его фантазия в изобретении цветowych эпитетов для предметов, живых существ, натюрмортов, пленера, самого человека. Поражают блеском ритмической организации фрагменты текста с мистификациями, когда у автора *«...вырастали из рубиновых оптических стигматов и Рубенсы, и Рембрандты, и целые пылающие города»* (Набоков 1996: 67).

Приходится затрачивать усилия в попытках расшифровать многочисленные неологизмы Набокова, его синтагмы-перевертыши, которые сам их создатель называл «крестословицами». Текстологические наблюдения выявляют у Набокова массу непривычных для русского словоупотребления слов и оборотов при описаниях милых его сердцу бабочек, красочной передаче излюбленного цветowego символа – радуги, палитры масляных красок или набора цветных карандашей, красочной гирлянды воздушных шаров или разноцветной гальки на берегу океана. Чего стоит, например, описание обычного масляного пятна на дороге: *«...радужное, с приматом пурпура и перистообразным поворотом, пятно масла: поугай асфальта»*. Или слово-монстр, самое длинное русское наречие, *«сборное название триллиона тонов»*, состоящее из 63 букв и 9 корневых компонентов:

бриллиантоволуннолитовосизолазоревогрозносапфиристосинеллово

Критика нередко упрекала Набокова в неуёмной фантазии, мистификациях, неоправданных смещениях сюжетных линий, в скрытности, наконец. Однако при внимательном прочтении, и не в одном, а в нескольких местах, и не между строк, а открыто, обнаруживаем «заветные» места, в которых писатель рассказывает об истоках и важных для нашей темы побудительных мотивах своего творчества, о стремлении, чтобы *«каждый стих переливался арлекином»* (Набоков 1990: 26).

В своих лекциях по литературе, представляя читателю психологический портрет Чичикова - известный персонаж русской классической литературы XIX века, Набоков открыто пишет о том, что лишь «слегка «приоткрывает завесу», показывая лишь небольшую долю того, «о чем можно говорить в открытую». При этом используется не «тонкая, живописная», но «грубоватая, малярная» терминология, даётся понять тем самым, что для автора гораздо выгоднее и безопаснее закамуфлировать художественный образ, оставив место недосказанному: *«Если я выкрашу лицо кустарной берлинской лазурью вместо краски, продаваемой государством, получившим на нее монополию..., это не*

заслужит даже снисходительной улыбки, и не один писатель не изобразит это в виде берлинской трагедии. Но если я окружу эту затею большой таинственностью и стану кичиться хитрыми уловками, при помощи которых её осуществил, и дам возможность болтливому соседу заглянуть в мои банки с самодельной краской ... люди с неподдельно голубыми лицами подвергнут меня грубому обращению – тогда смеяться будут надо мной» (Набоков 1989б: 537).

В другом месте, снова «приоткрываясь», Набоков делится с читателем сокровенными мыслями о том, что он «с детства подвержен разной чертовщине»: «Я всегда был подвержен чему-то вроде легких, но неизлечимых, галлюцинаций. Одни из них слуховые, другие зрительные, а проку от них никакого» (Набоков 1989б: 369). Упоминает он и о «редком, хотя и пустом недуге, которому я всегда был подвержен, *anxietas tibiaria* – когда ноги «тянет», как у беременной женщины» (Набоков 1989б: 369).

Далее в своей известной «исповеди синестета» он пишет: «У меня с детства в сильнейшей и подробнейшей степени *audition colorée* – цветовой слух ...» (Набоков 1990,1: 68). Там же В. Набоков сообщает, что «...цветовое ощущение создаётся, по-моему, осязательным, губным, чуть ли не вкусовым путём. Чтобы основательно определить краску буквы, я должен букву пересмаковать, дать ей набухнуть и излучиться во рту, пока воображаю её зрительный узор» (Набоков 1989,1: 369).

Все эти рассуждения писателя как будто подтверждаются генетической предрасположенностью членов семьи Набоковых к синестетическим аномалиям. Если верить Владимиру Набокову, кроме него самого, синестетиком была его мать Елена Ивановна, которая «...во всём потакала моей чувствительности и зрительным возбуждениям» (Набоков 2013: 6). По воспоминаниям близко знавших семью этим же качеством обладала его жена Вера Слоним и их единственный сын Дмитрий Набоков. В автобиографических воспоминаниях В. Набоков пишет: «Исповедь синестета назовут претенциозной и скучной те, кто защищён от таких отцеживаний и просачиваний более плотными перегородками, чем защищён я. Но моей матери всё это казалось вполне естественным. Мы разговорились об этом, когда мне шёл седьмой год, я строил замок из разноцветных азбучных кубиков и вскользь заметил ей, что покрашены они неправильно. Мы тут же выяснили, что некоторые мои буквы того же цвета, что её, кроме того, на неё оптически воздействовали и музыкальные ноты. Во мне они не возбуждали никаких хроматизмов» (Набоков 2013: 6).

Цветовые слова и цветовые символы, порой парадоксальные, вступая во взаимодействие с «обычными» словами и словосочетаниями, выглядят у Набокова как организованное целое, хотя часто выполняют просто орнаментальную функцию. При этом устанавливается смысловой

параллелизм, при котором конструкции, запечатлевшие, например, явления цветового слуха, и предлагающие звуковое соответствие реальному цвету, испытывают влияние цветовой символики и приобретают цветовой характер. Вот несколько примеров синестетического употребления прилагательных-цветообозначений:

а) передача звуковых явлений через цвет – ситуация «цветного» (или «цветового») звука: *«Голоса были схожи, оба смуглые и гладкие...»*; *«Сумерки – какой это томный сиреневый звук»*; *«...выгоревший фиолетовый..., странно-некрасивый, весь в углах, дикий, **вопящий, какой-то** (выделено в авторском тексте самим В. Набоковым – Л.М., В.М.), т.е. непохожий на него самого почерк»*.

б) «запаховая ситуация», когда обоняние обретает цветовой оттенок: *«...ему был как раз невыносим этот мутный, сладковато-бурый запах»* (о духах).

в) «вкусовой» эффект цвета: *«...яркий жёлтый цвет дома, например, сразу отзывался во рту...»*.

г) передача эмоционального состояния через цвет: *«Боль расставания будет красная, ломкая»*; *«...был как-то пёстро счастлив»*; *«розовые поцелуи»*; *«старушка с потухшим мутно-карим взглядом»*; *«...ненароком вошел в основу радуги... и очутился в цветном воздухе, в играющем огне, будто в раю»*.

Синестетические компоненты у Набокова не всегда мотивированы цветом. Они могут быть и нецветовыми: *«тому виднее, у кого нос длиннее», а Гоголь видел ноздрями*. Эту свою фразу Набоков объясняет так: *«Символизм Гоголя имеет физиологический оттенок, в данном случае зрительный»* (Набоков 1996: 32-35).

К синестезии непосредственно примыкает тема интенсивного использования цветowych символов в произведениях Набокова. Но это уже другая, вполне самостоятельная тема, детальное рассмотрение которой не входит в нашу задачу. В этой связи отметим только, что в прозе отдельных русских писателей начала XX века цветовая символика выражена даже в бóльшей степени, чем у Набокова. Так организована 4-я часть «Северной симфонии» А. Белого, «Красный смех» Л. Андреева, «Голубая жизнь» М. Горького, «Цветные ветра» Вс. Иванова и ряд других. Элементы цветовой символики несомненно были присущи также языку и стилю русских писателей XIX века, в частности, Ф.М. Достоевского (Соловьёв 1971: 138-141).

Перейдём теперь к вопросу о набоковских цветowych алфавитах и азбуках, их содержанию и кратким сравнениям с цветowymi азбуками его предшественников и вероятных эпигонов. В своём романе «Дар», написанном по-русски в 1937 г., Набоков впервые предлагает синестетическую интерпретацию русской азбуки, маркированную обозначениями цвета, которую он распространил впоследствии и на

другие языки: «...различные, многочисленные «а» на тех четырёх языках, которыми владею, вижу едва ли не в стольких же тонах – от лаково-черных до занозисто серых – сколько представляю себе сортов подделочного дерева. Рекомендую вам моё розовое фланелевое «м»...» и т.д., в том же духе неуёмной набоковской фантазии.

Опыты создания цветowych азбук были продолжены Набоковым в 40-60-е гг. Они представлены в его автобиографических рассказах, составивших в 1951 г. книгу «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство»), переведённую в 1954 г. автором на русский язык как повесть мемуарного жанра под названием «Другие берега», а также во вновь переработанных на английском языке, изданных в 1966г. мемуарах «Speak, Memory. An Autobiography Revisited» (в русском переводе «Память, говори»).

Известно, что Набоков-поэт и прозаик при всей своей яркой индивидуальности в принципиальном плане разделял фундаментальные положения определённого направления в художественной культуре начала XX века, которое и в наши дни называют расплывчатым словом модернизм. Известно также, что в своем раннем творчестве начинающий поэт и писатель Набоков-Сирий опирался на опыт поэзии и прозы русских символистов, прежде всего Андрея Белого. Сам Набоков упоминает об этом в трёх своих произведениях: по-русски в романе «Дар» и в повести «Другие берега», и по-английски в книге воспоминаний «Speak, Memory».

О влиянии А. Белого на ранний период своего поэтического и прозаического творчества он пишет: «Несколько позже монументальное исследование Андрея Белого заигнотизировало меня своей системой, так что свои стихи я немедленно пересмотрел с этой новой точки зрения» (Набоков 1996: 135). В своих лекциях по литературе Набоков утверждает, что роман А. Белого «Петербург» представляет собой одно из 4-х главных произведений в мировой литературе XX века, наряду с произведениями Джойса, Кафки и Пруста (Nabokov 1981: 45).

Забегая несколько вперёд отметим, что даже простое сравнение показывает, что азбуки Набокова вполне самостоятельны по вокально-цветовой интонировке. В этом они не совпадают с системой, предложенной А. Белым. Теоретическая разработка А. Белого более эмоциональна по подбору цветов и проста по своим цвето-буквенным соответствиям. При этом семиотическая составляющая, свойственная любой «живой» функциональной азбуке, не просматривается ни у А. Белого, ни у В. Набокова. Естественный практический смысл языковой коммуникации, свойственный алфавитам любых систем, в обеих азбуках отсутствует. Степень их художественно-эстетической ценности нам не совсем очевидна.

Для наглядности представим фрагмент вокально-цветовой системы А.Белого: «А – белая (другого и трудно ожидать; тут всё, кажется, предре-

шено – А-ндрей Б-елый – наблюдения соавторов статьи – Л.М., В.М.); Е – жёлто-зелёная; И – сине-голубая; О – красно-алая; У – пурпурная; Ю – фиолетовая; согласная Ж – теплокоричневая; Ш – коричневая; Н – зеленоватая» и т.д. (Белый 1922: 6-7). Тут просматривается лишь одна замеченная нами закономерность: гласные, по А. Белому, ассоциируются с насыщенным цветом, согласные – с оттенками цветов.

Приняв за основу «подсмотренные» у Белого эксперименты, в которых отдельным звукам и буквам русского алфавита придаются смысловые «цветовые» соответствия, Набоков расширил эти опыты, придавая синестетические эквиваленты буквам русского, а также английского и частично французского алфавита. Расширяя подход к теме, он даже предлагает мнемोगраммы для семи главных цветов спектра: английскую KZSPYGV и кириллическую ВЁЕПСКЗ в духе известной русской мнемоники для семи цветов радуги: КОЖЗГСФ (*Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан или Кот Ослу, Жирафу, Зайке, Голубые Сиши Фуфайки* и др.): «Чёрно-белую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное по сравнению с рваным R – P; крепкое каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное Я. В белёсой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ. Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнёво-кирпичным Б (гуще, чем В), розово-фланелевым М и розово-телесным (чуть желтее, чем V) В; желтую группу с оранжевым Ё, охряным Е, палевым Д, светло-палевым И, золотистым У и латуновым Ю; зелёную группу с гуашевым П, пыльно-ольховым Ф и пастельным Т (всё это суше, чем их латинские однозвучия); и, наконец, синюю, переходящую в фиолетовое, группу с жестяным Ц, влажно-голубым С, черничным К и блестяще-сиреневым З. Такова моя азбучная радуга (ВЁЕПСКЗ)» (Набоков 1990: 370).

В другом месте Набоков предлагает иные синестетические соответствия, английские и частично французские, с вкраплениями русского материала: «Сверх всего этого я наделён в редкой мере цветным слухом. Не знаю, впрочем, правильно ли говорить о «слухе», цветное ощущение создаётся, по-моему, самим актом голосового воспроизведения буквы, пока воображаю её зрительный узор. Долгое а английского алфавита (речь пойдёт именно о нём, если не говорю иного) имеет у меня оттенок выдержанной древесины, меж тем, как французское а отдаёт лаковым чёрным деревом. В эту чёрную группу входят крепкое g (вулканизированная резина) и r (запачканный складчатый лоскут). Овсяное n, вермишельное l и оправленное в слоновую кость ручное зеркальце о отвечают за белесоватость. Французское op, которое вижу как напряжённую поверхность спиртного в наполненной до краёв

маленькой стопочке, кажется мне загадочным. Переходя к синей группе, находим стальную x, грозовую тучу z и черничную k. Поскольку между звуком и формой существует тонкая связь, я вижу q более бурой, чем k, между тем как s представляется не поголубевшим с, но с удивительной смесью лазури и жемчуга. Соседствующие оттенки не смешиваются, а дифтонги своих, особых цветов не имеют, если только в каком-то другом языке их не представляет отдельная буква (так, пушисто серая, трёхстебельковая русская буква, заменяющая английское sh, столь же древняя, как шелест нильского тростника, воздействует на её английское представление).

Спешу закончить список пока меня не перебили. В зелёной группе имеется ольховое f, незрелое яблоко p и фисташковое t. Зелень более тусклая в сочетании с фиалковым – вот лучшее, что могу придумать для w. Желтая включает разнообразные e да i, сливочное d, ярко-золотистое u и u, чьё алфавитное значение я могу выразить лишь словами «медь с оливковым отливом». В группе бурой содержится густой каучуковый тон мягкого g, чуть более бледное j и h – коричнево-жёлтый инуорок от ботинка. Наконец, среди красных, b имеет оттенки, который живописцы зовут жжёной охрой, t – как складка розовой фланели, и я всё-таки нашел ныне совершенное соответствие v – «розовый кварц» в «Словаре красок Мерца и Поля. Слово, обозначающее в моём словаре радугу – исконную, но явно мутноватую радугу, едва ли произносимо kzsprugn». Насколько я знаю, первым автором, обсуждающим синестетизм (в 1812 году) был врач-альбинос из Эрлангена» (Набоков 2013: 6-7).

Цветовые азбуки Набокова ни в целом, ни в деталях не совпадают также с абстрактной и очень субъективной системой «качественных, эмоциональных и цветовых символов», положенных на русскую кириллицу Велимиром Хлебниковым. Ср. у Хлебникова: «А – противопоставление; У – покорность; Е – упадок; И – соединение; М – синий; В – зеленый; З – золотой; С – серый; Б – красный; Н – розовый; Й – черный; К – голубой; Г – жёлтый; Л – белый, слоновая кость...» и т.д. (Цит. по изд.: Юрьев 1987: 169).

Несовпадение с вариантами цветовых азбук В. Набокова обнаруживается также при их сравнении с цветовой азбукой советского и русского детского писателя В. Крапивина (род. 1938), у которого читаем: «Вообще-то у каждой буквы свой цвет. По крайней мере, так всегда казалось Севке. Букву «О» представлял он густо-коричневой и сладкой, как шоколад, которым угощал его Иван Константинович. Буква «И» была пронзительно-синей, «Ш» – чёрной, «Э» – табачного цвета, «Е» – золотисто-жёлтая, «А» – белая. Цвет настоящей буквы «Ю» был ярко-вишнёвый – как матроска Юрика» (Крапивин 1984: 39).

Синестетические азбуки – это один из отшлифованных и многократно употребляемых Набоковым художественных приёмов. Каково наше отношение к ним? Не следует, видимо, рассматривать их как плод нго углублённых творческих исканий и интеллектуальных раздумий. Скорее всего эти синестетические опусы Набокова являются продуктом изощрённого писательского мастерства, очередными продуманными мистификациями, замешанными на природном обострённом воображении автора и высочайшем профессионализме. Трудно отказаться от ощущения, что в полёте творческой фантазии этот виртуоз слова совсем по-гоголевски водит читателя за нос, рассуждая о трансформируемом «через синестезию» и «реально представляемом» им колористическом видении мира. Как, например, в случае, когда, имея перед собой всего лишь чёрно-белую репродукцию фотографии своего самого любимого писателя Николая Гоголя – его дагерротип, снятый в Риме в 1845 году, он не просто создаёт гоголевский словесный портрет. В условном наклонении (...если бы...), он с лёгкостью дополняет этот портрет надуманными цветовыми эпитетами: *«На нём (Гоголе) был сюртук с широкими лацканами и франтовской жилет. И если бы блеклый отпечаток прошлого мог расцвести красками, мы увидели бы бутылочно-зелёный цвет жилета с оранжевыми и пурпурными искрами, мелкими синими глазками; в сущности он напоминает кожу какого-то заморского пресмыкающегося»* (Набоков 1996: 35-36).

В заключение хочется сказать несколько смешанных с восхищением слов о Набокове – тонком наблюдателе – психологе, стилисте, переводчике, учёном энтомологе, литературоведе и лингвисте. Желание это навеяно фрагментом из его очерка, в котором речь, на первый взгляд, не идёт непосредственно о синестезии. В нём говорится о новаторстве и абсолютном приоритете Н.В. Гоголя в искусстве передачи свето- и цветовых эффектов средствами русского языка – явления существенно важного для развития всей последующей русской литературной традиции. Вот это замечательное место: *«Разницу между человеческим зрением и тем, что видит фасеточный глаз насекомого, можно сравнить с разницей между полутоновым клише, сделанным на тончайшем растре, и тем же изображением, выполненном на самой грубой сетке, которой пользуются для газетных репродукций. Так же относится зрение Гоголя к зрению средних читателей и средних писателей. До появления его и Пушкина (у Набокова именно так, в такой последовательности! – Л.М., В.М.) русская литература была подслеповатой. Формы, которые она замечала, были лишь очертаниями, подсказанными рассудком; цвета как такового она не видела и лишь пользовалась истёртыми комбинациями слепцов-существительных и по-собачьи преданных им эпитетов, которые Европа унаследовала от древних. Небо было голубым, заря алой, листва зеленой, глаза красавиц чёрными, тучи серыми и т.д. Только*

Гоголь (а за ним Лермонтов и Толстой) увидел жёлтый и лиловый цвета. То, что небо на восходе солнца может быть бледно-зелёным, снег в безоблачный день густо-синим, прозвучало бы бессмысленной ересью в ушах так называемого писателя-«классика», привыкшего к неизменной, общепринятой цветовой гамме французской литературы XVIII века. Показателем того, как развивалось на протяжении веков искусство описания, могут служить перемены, которые претерпело художественное зрение: фасеточный глаз становится единым, необычайно сложным органом, а мёртвые, тусклые «принятые краски» постепенно выделяют тонкие оттенки и создают новые чудеса изображения. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь писатель, а тем более в России, раньше замечал такое удивительное явление, как дрожащий узор света и тени на земле под деревьями или цветовой шалости солнца на листве. Описание сада Плюшкина поразило русских читателей почти так же, как Мане – усатых меццан своей эпохи» (Набоков 1996: 88-89).

По устоявшемуся мнению критики, для массового русского читателя Набоков, в отличие от Пушкина как «символа и дыхания целого народа», останется лишь литератором-эстетом, прозаическое творчество которого «представляют скорее блистательную, но «бесполезную» игру ума, сверхматематический расчет, алгебру великолепной техники» (Полторацкий 1972: 20). Заметим однако: то, к чему автор стремился и «искал в восхитительном обмане – в искусстве» – он почти всегда безошибочно находил.

Зинаида Шаховская, знаток и ценитель творчества писателя, тонко заметила: «...Набоков загадочен, ... он бросил вызов своим читателям и почитателям, загромождая к себе доступ, и расставил ловушки для исследователей: «*Let the visitors' trip*» – пусть посетители спотыкаются...» (Шаховская 1976: 90). Что и говорить! И бросил, и расставил. Перечитывая Набокова, но не обладая уникальными способностями синестетов, мы то и дело спотыкаемся, в попытках расшифровать его словесные ловушки. Синестетическая линия в языке свободного художника слова Набокова – это не только ярчайшая метаморфоза словесных красок, которые загораются, растут, изменяются, отцветают в непредсказуемом движении. Это и уникальное наглядное пособие по передаче в художественном тексте разнообразных сенсорных ощущений, явных и скрытых.

Литература

- Белый, А. (1922) Глоссология. Берлин. «Скифы».
- Крапивин, В. (2007) Сказки Севки Глущенко. Москва, 1984, 2-изд.
- ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. (1990) Москва, Советская энциклопедия.
- Набоков, В. (1989а) Истребление тиранов. Избранная проза. Минск, 1989.

- Набоков, В. (1989б) Приглашение на казнь. Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинёв, 1989.
- Набоков, В. (1990) Собрание сочинений в 4-х томах. Т.1. Москва.
- Набоков, В. (1996) Лекции по русской литературе. Москва, Независимая газета.
- Набоков, В. Память, говори. Пер. с англ.
[http:// nabokovandko.narod.ru/Texts/Speak_memory.html](http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Speak_memory.html) (2013).
- Полторацкий, П. (ред.) (1972) Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Питтсбург.
- Соловьёв, С.М. (1971) Колорит произведений Достоевского // Достоевский и русские писатели. Москва.
- Степанов, Ю.С. (1984) Семантика «цветного сонета» Артюра Рембо // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Москва. Т.43, №4, С. 341-347.
- Шаховская, З. (1976) В поисках Набокова. Париж.
- Эйзенштейн, С. (2002) Метод. Т1: Grundproblem. М., «Эйзенштейн-центр». Музей кино.
- Юрьев, Ф. (1987) Цвет в искусстве книги. Киев.
- Nabokov, V. (1981) Lectures on Russian Literature. New York.